ДБ
300
Л55

Лидерс-Вейман.
Осажденный Севастополь

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
491319
4

Лидерс-Веймарн

ОСАЖДЕННЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

въ письмахъ убитаго офицера

1853—1855.

Помѣщая вслѣдъ за симъ письма лейтенанта Комстадіуса, умершаго отъ ранъ, полученныхъ при защитѣ Севастополя, предпосылаемъ біографическія о немъ свѣдѣнія, сообщенныя намъ его сестрой, Анной Карловной Дмитріевой, рожденной Комстадіусъ.

«Августъ Карловичъ Комстадіусъ родился въ 1826 году, въ деревнѣ Дарьевкѣ, возлѣ Херсона. По окончаніи гимназическаго курса въ Херсонской гимназіи, онъ готовился къ морской службѣ въ городѣ Николаевѣ. Гардемариномъ плавалъ въ Черномъ морѣ на фрегатѣ «Адріанополь», подъ командой Ф. И. Ратча. Въ апрѣлѣ 1842 года, въ числѣ другихъ гардемариновъ, былъ отправленъ въ Кронштадтъ, служилъ тамъ въ 1-мъ учебномъ экипажѣ, подъ начальствомъ Курлова. Спустя полтора года, былъ произведенъ въ мичмана, поступилъ въ 11-й экипажъ, плавалъ по портамъ Балтійскаго моря. Въ 1848 г. служилъ на бригѣ молодаго Дурасова. Въ 1849 году перешелъ въ Черноморскій флотъ, чтобы быть ближе къ роднымъ. Въ Черномъ морѣ крейсировалъ у береговъ Кавказа на корветѣ «Андромаха», подъ начальствомъ Винке, а впослѣдствіи Вернаховскаго. Послѣднее время служилъ на кораблѣ «Уріилѣ». Въ Балтійскомъ флотѣ, какъ и въ Черноморскомъ, былъ экипажнымъ адъютантомъ (казначеемъ).

Отецъ Комстадіуса служилъ въ артиллеріи, вышелъ въ отставку въ чинѣ поручика, жилъ въ имѣніи своемъ Дарьевкѣ, возлѣ Херсона, служилъ по выборамъ херсонскаго дворянства въ Херсонѣ, гдѣ братъ его былъ губернаторомъ. Съ 1820 года по 1835 годъ былъ избираемъ кандидатомъ на должности предводителя и былъ предводителемъ дворянства.

Мать Комстадіуса была урожденная Альбрантъ. Отецъ ея, эмигрантъ французскій, принялъ подданство русское въ 1812 году. Ея братъ, генералъ Альбрантъ, былъ однимъ изъ героевъ Кавказа.

Возвращаясь изъ Одессы, послѣ леченія, въ Севастополь, братъ мой проѣзжалъ черезъ Дарьевку; состояніе его здоровья могло быть вполнѣ основательной причиной ему остаться дома, онъ не счелъ это возможнымъ и спѣшилъ въ Севастополь.

Сколько я знала моего брата, всегда убѣждалась, что правда и любовь къ ближнему неизмѣнно направляли его поступки, также какъ слышались въ его рѣчи».

А. К. Дмитріева, рожд. Комстадіусъ.

I.

3-е декабря 1853 года.

Севастополь еще не пришелъ въ себя отъ Синопской побѣды; все еще не вѣришь, чтобы можно было такъ блистательно и въ то же время благополучно выйти изъ такого жаркаго дѣла, въ какомъ былъ нашъ флотъ. Я уже писалъ вамъ, что убиты одинъ офицеръ и 37 матросовъ; правда, корабли были сильно повреждены и, какъ выразился Ергомышевъ (командиръ корабля «Великій Князь Константинъ») въ своемъ представленіи къ Нахимову: «Побѣдивъ непріятеля, намъ предстояло еще побѣдить большое затрудненіе: поставить избитый корабль, въ короткое время, въ такое положеніе, чтобы онъ могъ переплыть все Черное море, въ эту бурную пору; но Богъ помогъ намъ; попутный вѣтеръ, самымъ благополучнымъ образомъ, довелъ обезмачтованные корабли до Севастополя. Видно, наше дѣло правое, и, вынужденный воевать, государь съ полной душевной вѣрой заставилъ всю Россію повторить за нимъ молитву: «Господи, на Тя уповахомъ, да не посрамимся во вѣки». Вамъ словесно передастъ все о синопскомъ сраженіи С.....о, со всѣми блестящими, великодушными, храбрыми, благородными поступками и словами Нахимова. Въ это позднее время, несмотря на бурныя погоды и на то, что корабли ломались отъ постоянной сильной качки, онъ упорно крейсировалъ 40 дней, выжидая непріятеля, и снялъ съ себя теплую рубашку, чтобъ имѣть право требовать исполненія обязанности отъ команды своей эскадры, которая почти не знала подъ конецъ, что̀ значитъ сухая одежда, дрожала отъ холода, но не роптала, видя примѣръ въ начальникѣ, который писалъ въ интендантство: «Я снялъ съ себя теплую рубаху и не надѣну ее пока вы не одѣнете моей команды».

Во время дѣла Ергомышевъ увидѣлъ, что непріятельскія ядра направлены на корабль «Цесаревна Марія», на которомъ сидѣлъ Нахимовъ, и замѣчая, что корабль «Марія» сильно страдаетъ, помѣстился съ своимъ кораблемъ такъ, что прикрылъ корабль «Марія» отъ бо̀льшей части батарей и тѣмъ спасъ его. Нахимовъ, пріѣхавъ на корабль «Константинъ», взялъ за руку Ергомышева и сказалъ: «Отнынѣ я считаю васъ другомъ моимъ»; потомъ, обратившись къ офицерамъ, сказалъ: «Благодарю, храбрые офицеры» и командѣ сказалъ, что никто не сравнится съ нею въ храбрости.

Всѣ приказы Нахимова исполнены простоты и благородства. Надняхъ онъ устраиваетъ благодарственное молебствіе на могилѣ Лазарева. Здѣсь очень холодно, а корабли, оставленные для защиты Севастополя, стоятъ на рейдѣ. Плохо морякамъ. Соединенный англо-

французскій флотъ, говорятъ, плаваетъ по Черному морю въ числѣ 27-ми кораблей, кромѣ пароходовъ; но едва ли какое нибудь дѣло предстоитъ намъ, морякамъ, потому что они не рѣшатся идти въ Севастополь, чтобы не дать намъ возможность побить ихъ. Въ нѣсколько минутъ взлетѣвшіе на воздухъ турецкіе фрегаты показали имъ совершенство нашей артиллеріи. Этихъ 27-ми кораблей будетъ мало для воинственнаго жара, который развитъ теперь у насъ во флотѣ, подкрѣпляемаго ненавистью къ англичанамъ.

Мнѣ очень жаль, что я не могу вамъ прислать приказовъ Нахимова, отданныхъ имъ до битвы и послѣ битвы; въ нихъ такой опытъ и знаніе дѣла, что для моряка они должны имѣть цѣну науки. Въ Севастополѣ много говорятъ о Ергомышевѣ и о наградахъ, которыя его ожидаютъ.

Но, вспоминая наши прежнія морскія войны, что мы видимъ? — Напримѣръ: Колтовской, который показалъ чудеса храбрости и военной находчивости, котораго государь цѣловалъ, за которымъ народъ бѣгалъ, чтобы видѣть героя турецкой кампаніи, Вукотичъ, etc. etc. Теперь едва ли, не говорю Россія, но десятая часть флота знаетъ объ ихъ подвигахъ. Но до меня это не касается, я убѣжденъ, что въ случаѣ войны, я, какъ Заруцкій, промаршируя тихимъ учебнымъ шагомъ подъ пѣснью ядеръ и, какъ пророкъ Илія, вознесусь на небо, только на пороховомъ ящикѣ. Но мнѣ все же жаль изъ-за войны утерять предстоявшую мнѣ заграничную кампанію, и жаль подумать, что во-время я не могу предвидѣть возможности для себя принести пользу, такъ какъ я на кораблѣ такая далекая спица въ колесницѣ, что шумъ побѣды и славы будетъ только доходить до меня, не касаясь меня.

27-е апрѣля 1854 года.

Сегодня было освященіе Волоховой башни; эта башня врыта въ землю и вооружена 8-ю большими орудіями; она неприступна — непріятельское ядро не можетъ попасть въ нее, несмотря на то, что она владѣетъ мѣстностью на огромное пространство.

Эта башня сочинена Наполеономъ, а Севастополю пожертвована Волоховымъ. Теперь дула орудій окаймляютъ всѣ оконечности Севастополя. Англійскіе пароходы, дѣлая промѣры, подходили къ Балаклавѣ. Когда бы они скорѣе принялись за дѣло рѣшительное. Дай Богъ, чтобы мы могли оправдать увѣренность Россіи въ свое непобѣдимое воинство и доказать преданность и повиновеніе мудрости и волѣ нашего царя. Никогда чувство обожанія къ царю не было такъ сильно въ сердцѣ моемъ, какъ теперь. На-дняхъ пришелъ къ Зорину

мужикъ изъ Козлова съ просьбою, чтобы Зоринъ способствовалъ принятію его на службу. Чтобы испытать его, Зоринъ сталъ ему описывать бѣдствія войны, онъ отвѣчалъ: «Знаю, ваше высокоблагородіе; но, буду ли я раненъ, убьютъ ли меня, все же, можетъ быть, милость Божія направитъ штыкъ мой въ грудь хоть одного англичанина». Не даромъ государь сказалъ: что «у него милліонъ войска, прикажетъ—будетъ два, попроситъ—будетъ три».

Свистятъ на ученье, къ пушкамъ, а я только что воротился съ береговаго ученья. Съ нѣкотораго времени дожди здѣсь идутъ тропическіе.

Августа 1854 года.

Приказомъ, недавно изданнымъ Корниловымъ, онъ благодаритъ флотъ за доведеніе кораблей до совершенства, и нашъ корабль вступилъ въ число ученыхъ. Нельзя не удивляться, чему только не способенъ нашъ матросъ, и никогда понятливость его не была такъ развита, какъ теперь; причиною этому служитъ желаніе разбить англичанъ, которымъ они воодушевлены. Для пальбы въ цѣль изъ штуцеровъ, я на щитѣ нарисовалъ англичанина, они воображеніемъ оживляютъ его и не могутъ пройти мимо, чтобы не погрозить штыкомъ или не ругнуть.

Теперь все затихло, какъ будто въ ожиданіи чего-то рѣшительнаго. Мы въ полной готовности встрѣтить десантъ, и теперь еще наши команды воздвигаютъ новую батарею. Вобанъ хотя и сказалъ, что нѣтъ крѣпости, которую нельзя было бы взять, но желалъ бы я посмотрѣть, какъ онъ достигъ бы этого въ Севастополѣ. Откуда берутся люди, чтобы занять все количество орудій, которыми обставленъ нашъ рейдъ.

Я, наконецъ, получилъ изъ Тулы пистолеты и каждый день упражняюсь въ стрѣльбѣ въ цѣль; довольно порядочно попадаю; чѣмъ болѣе непріятель медлитъ, тѣмъ болѣе опасности предстоитъ ему встрѣтить.

Какъ мнѣ досадно, что письма брата такъ коротки; гдѣ же писать какъ не на Дунаѣ, куда обращены взоры всей Европы и куда сконцентрировала Европа свою военную выставку.

7-е сентября 1854 года.

Я теперь нахожусь въ батальонѣ, который ходитъ черезъ день въ цѣпь на сѣверную сторону по берегу до Бельбека, и я поэтому вкусилъ удовольствіе безсонныхъ бивуачныхъ ночей, и право весело, какъ-то особенно легко на душѣ. Правда, мы были далеко отъ опасности, но нашъ постъ былъ засадою на случай неожиданной ночной

вылазки англичанъ на берегъ и поэтому мы должны были не дремать, да и какъ было дремать намъ, жаждущимъ увидѣть непріятеля; разговорамъ, шуткамъ, смѣху не было конца. Только что пришло извѣстіе, что непріятель тронулся съ мѣста и двинулся берегомъ къ Севастополю; значитъ—скоро должно завязаться дѣло. Голодъ и жажда, вѣроятно, заставили двинуться непріятеля, не дождавшись подкрѣпленія, за которымъ онъ послалъ. Но какъ покоенъ Севастополь; на это спокойствіе способна только Россія, увѣренная въ мудрость и великодушіе своего государя.

Только что я получилъ приказъ быть въ полной готовности отправиться съ баталіономъ въ дѣйствующую армію, которая стоитъ въ 30-ти верстахъ отъ Севастополя. Вы не можете себѣ представить какъ, послѣ долгаго ожиданія, этотъ приказъ обрадовалъ меня; я боюсь только, чтобы не нашлось препятствій къ его осуществленію, потому что это желаніе Меншикова, противъ котораго Корниловъ возстаетъ. Вы, я думаю, знаете уже, что неперечетный лѣсъ кораблей перевезъ къ намъ непріятельское войско, съ кавалеріей и крѣпостными орудіями. Не вѣришь своимъ глазамъ, что подобная армія могла высадиться на безплодныя и безводныя окрестности Севастополя. Меншиковъ теперь боится, чтобы они не одумались и не возвратились домой, потому что его позиція, которой онъ окружилъ непріятеля, непобѣдимая. Меншиковъ съ нея не двинется и будетъ ждать, чтобы французы его атаковали. Имъ же невозможно достигнуть Севастополя, минуя его, и на-дняхъ должна разыграться еще небывалая битва. Плохо намъ дрогнуть—отдадимъ въ ихъ руки Севастополь; подадутся же они назадъ — они погибли,—Черное море замоетъ слѣдъ ихъ отважнаго предпріятія. Казаки наши понемногу подлавливаютъ плѣнныхъ. Вчера казаки сожгли у непріятеля все сѣно, привезенное изъ Англіи; это, я думаю, заставитъ ихъ призадуматься. Голодные взятые въ плѣнъ зуавы просятся къ намъ въ службу, увѣряя, что будутъ очень рады бить французовъ. Ревельоти сжегъ свое имѣніе, куда высадились непріятельскія войска. Непріятель на каждомъ шагу встрѣтитъ московскіе пожары и аландскіе взрывы; плохо имъ придется на нашей землѣ. Господи, прости мнѣ мою гордость! Но это увѣренность въ царя и въ святой промыслъ.

Недавно былъ балъ; на балѣ веселились очень много, а завтра можетъ быть будетъ кровопролитное дѣло. Сегодня вторникъ, почта же идетъ въ пятницу; я, конечно, не буду имѣть времени писать вамъ. Теперь, когда пріѣду въ отпускъ, то увѣренъ, что не наведу на васъ тоски своей тоской,—мнѣ весело. Отправляю письмо; досадно будетъ, если мое ожиданіе выйти въ поле не сбудется; тогда мнѣ и совсѣмъ

не придется участвовать въ защитѣ Севастополя. Я увѣренъ, что вы благословляете меня въ эту минуту, и потому иду съ полной увѣренностью на счастіе.

5-е октября 1854 года.

Вы, вѣроятно, прошлую почту получили письмо отъ Л. А.[1]) и знаете, что мы всѣ совершенно здоровы, что непріятель по прежнему вокругъ Севастополя занимается воздѣлываніемъ виноградниковъ, изрѣдка встрѣчая нашихъ охотниковъ, и ежели штуцерная пуля не остановитъ его, то, надо отдать справедливость, ловко убѣгаетъ, что до невѣроятности бѣситъ нашихъ офицеровъ и солдатъ, которые не перестаютъ жаловаться на нашу одежду и обувь, дѣйствительно очень тяжелыя въ сравненіи съ одеждой и обувью непріятеля, не иначе являющагося въ дѣло какъ въ курточкѣ и башмакахъ. Но непріятель, между прочимъ, сталъ себя окапывать и воздвигать тоже батареи противъ нашихъ. Хотя бы вы издали прислушались къ грохоту, съ которымъ мы сегодня разбивали ядрами и бомбами непріятельскія стѣны. Гулъ ста или двухсотъ орудій уже не дѣйствуетъ на насъ оглушительно; мы привыкли къ пальбѣ, и сегодняшняя бомбардировка сливалась съ общимъ шумомъ или, скорѣй, съ общей тишиной. Не проходило минуты безъ выстрѣла пушечнаго, но мы уже свыклись и не слышимъ. Особенныхъ дѣлъ еще не было никакихъ, исключая отдѣльныхъ отвагъ охотниковъ, которые выходятъ по 10-ти или по 20-ти человѣкъ ночью или даже днемъ тревожить непріятеля ружейными выстрѣлами. Въ Севастополѣ ждутъ пріѣзда великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича; ихъ присутствіе будетъ превосходно дѣйствовать на нашихъ солдатъ и вообще на войско, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ большое кровопролитіе, которое на долгое время удобритъ безплодныя окрестности Севастополя. Непріятель еще не бросалъ бомбъ въ городъ; по словамъ плѣнныхъ, у англичанъ и у французовъ на этотъ счетъ возникло разногласіе: англичане хотятъ во что бы то ни стало разрушить Севастополь, а французы будто бы этого не желаютъ; впрочемъ, плѣнные говорятъ пустяки, вѣрить имъ невозможно, въ особенности французамъ, которые, даже плѣнные, не обходятся безъ каламбуровъ. La Gondie, на вопросъ Меншикова: какъ его зовутъ, подалъ свою карточку и преважно сказалъ: «Pas même une égratignure de sabre, mon Dieu, que diront les journeaux!» Одинъ солдатъ, на вопросъ ка-

[1]) Ергомышевъ, который 5-го октября былъ сильно контуженъ. Контузія совершенно разстроила его здоровье. Ергомышевъ былъ женатъ на сестрѣ А. К.

А. Д—ва.

кимъ образомъ онъ попался, отвѣчалъ: «Je courus après une oie, et j'attrapai un canard, mais, mon général, ce pays me plait, je veux m'y établir». Больше всѣхъ изъ нашихъ отличаются пластуны; это пѣшіе казаки, которые получили свое названіе оттого, что дѣйствуютъ въ одиночку, ползкомъ, скрываясь за каждымъ кустикомъ, бугоркомъ etc. Они потомки запорожцевъ, носятъ черный костюмъ. Недавно нѣсколько изъ нихъ пробрались въ непріятельскій лагерь и, увидя кучку французовъ, варившихъ кашу, усѣлись между ними; разумѣется, испуганные французы пустились бѣжать, но не далеко убѣжали, потому что пластуны ихъ перекололи, а кашу принесли съ собой. Корфъ отнялъ у непріятеля 4,000 штукъ скота, что, конечно, посадило ихъ на экваторъ. Плѣнные ужасно жалуются на недостатокъ пищи, въ особенности теплой, а галеты ихъ удивительно не хороши; я иначе думалъ объ англійскихъ заготовленіяхъ.

Помните, я вамъ писалъ, что стою на Малаховомъ курганѣ; теперь насъ поставили на бульварѣ. Если бы это было немного ранѣе и при другихъ условіяхъ, мы были бы очень довольны нашей стоянкой, теперь же мы не замѣчаемъ красоты развернутыхъ передъ нами картинъ, а все боимся, чтобы дождь не принялъ насъ за деревья и не сталъ бы о насъ заботиться. Густыя облака уже нѣсколько дней покрываютъ небо, которое еще не рѣшается обидѣть насъ, лишенныхъ крова, но рано или поздно, конечно, выйдетъ изъ терпѣнія и накажетъ насъ за безпечность. Желалъ бы очень въ будущемъ письмѣ сообщить вамъ что-нибудь болѣе пріятное. Пишите, безъ писемъ вашихъ тоска.

7-е октября 1854 года.

Какъ я счастливъ, что видѣлъ брата!

Положеніе Севастополя не такъ дурно, какъ вы полагаете; непріятель приступилъ къ бомбардированію и вотъ уже третій день какъ мы прислушиваемся къ полету непріятельскихъ бомбъ. Я до сихъ поръ здоровъ. На-дняхъ Меншиковъ начнетъ дѣйствовать наступательно. Это, дастъ Богъ, облегчитъ наше положеніе.

26-е октября 1854 г.

(Похоронивши брата, павшаго въ Инкерманскомъ сраженіи).

Благодаря Бога, я до этихъ поръ даже не раненъ.

12-е ноября 1854 г.

Я до этихъ поръ совершенно здоровъ. Непріятель все ближе подъ наши батареи ведетъ свои саперныя работы и прекратилъ совершенно пальбу, мы же смотримъ на его работы и изрѣдка пострѣливаемъ.

Вотъ все, что я могу вамъ сказать о настоящемъ, а будущее так темно и невѣдомо, что намъ остается молиться, чтобы Богъ не оставлялъ до сихъ поръ сберегаемую Имъ Россію. Господи, помоги намъ побѣдить врага!

14-е декабря 1854 г.

Я все нахожусь на 4-мъ бастіонѣ, но уже командиромъ праваго фаса. Бомбардировка стала немного живѣе, но новаго нѣтъ ничего. Мы ждемъ войско, чтобы начать полевую войну. Каждый день къ намъ перебѣгаетъ человѣкъ до 20-ти непріятеля, жалующихся на тяжелое положеніе войска. Ежели не будете получать отъ меня писемъ каждую почту, пожалуйста, не безпокойтесь: не всегда можно найти время писать. Володя, Орестъ, Викторъ [1]) здоровы. Орестъ не перестаетъ смѣшить. Нахимовъ спрашивалъ о здоровьѣ Ергомышева. Если буду живъ, то въ слѣдующую (почту) опишу вамъ подробно все, что здѣсь дѣлается, теперь некогда. Не забывайте васъ любящаго сына и брата.

16-е декабря 1854 г.

Тороплюсь вамъ сказать нѣсколько словъ. Изъ того, что я пишу, вы можете заключить, что я, благодаря Бога, здоровъ и продолжаю на 4-мъ бастіонѣ переговариваться съ непріятелемъ съ помощью мортиръ; но теперь положеніе наше на бастіонѣ очень облегчено уже тѣмъ, что намъ приходится дежурить черезъ день. Я вамъ писалъ, что намъ сдѣлали погребъ, въ немъ надежнѣе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, также въ свободныя минуты есть мѣсто, куда можно укрыться и даже отдохнуть. Непріятель продолжаетъ работать дни и ночи съ цѣлью приблизиться къ намъ, а мы осыпаемъ его бомбами etc, и, кажется, не мало приносимъ ему вреда. Я угостилъ его залпомъ, отъ котораго, надѣюсь, ему не поздоровилось. Представьте себѣ картину: въ одну секунду 160 гранатъ разной величины завизжали въ воздухѣ, и музыку, которую они должны были произвести въ непріятельской траншеѣ своимъ разрывомъ. Къ какому концу приведетъ война, одинъ Богъ знаетъ! Мы ждемъ со дня на день новаго войска, и, говорятъ, Меншиковъ самъ хочетъ начать наступательную войну. Видите, непріятель отложилъ намѣреніе дѣлать высадку въ Перекопѣ; я вамъ говорилъ, что онъ не имѣетъ достаточно войска, чтобы раздѣлять свои силы. Но Богъ поможетъ намъ изгнать враговъ нашей дорогой Россіи. Я не знаю рѣшительно ничего о томъ, что дѣлается въ мірѣ политическомъ, приказовъ тоже не читаю. Володя, Орестъ,

[1] Богдановичи.

Викторъ здоровы, Дровецкій еще на пароходѣ, но хочетъ просить, чтобы его назначили на батареи, но между тѣмъ онъ уже получилъ Анну съ бантомъ. Сколько офицеровъ въ десятеро меньше меня участвовавшихъ въ дѣлѣ получили награды; говорю, право, безъ зависти, но не могу не удивляться судьбѣ.

31-е декабря 1854 г.

Все же ни слова отъ васъ, и даже сестры какъ будто забыли обо мнѣ, что это значитъ? Не можетъ быть, чтобы въ продолженіе мѣсяца даже одно письмо не могло бы проскочить сквозь мошенничество почтмейстеровъ; не боленъ-ли кто нибудь? Ради Бога, нѣсколько строчекъ о вашемъ и всѣхъ здоровьѣ. Вы не можете повѣрить, какъ ваше молчаніе увеличиваетъ тягость жизни, т. е. такой, какую мы ведемъ на нашихъ бастіонахъ: сырость, штуцера, бомбы.... Въ Севастополѣ все идетъ по прежнему; на-дняхъ готовится вылазка. Сегодня пришелъ одинъ англичанинъ и объявилъ, что ихъ войско до того изнурено, работами, службою, что съ однимъ батальономъ можно овладѣть всѣми непріятельскими батареями.

4-е января 1855 года.

Великіе князья въ Севастополѣ; имъ тоже приходится переносить разныя неудобства; они заѣхали на батарею къ одному изъ нашихъ офицеровъ и съ удовольствіемъ выпили очень дурнаго кофе и закусили хлѣбомъ съ колбасой.

Тотлебенъ крѣпко боленъ; боятся воспаленія мозга.

Я встрѣтилъ Новый годъ у Старченковыхъ; такъ было весело, что всѣ забыли объ осадномъ положеніи; тамъ собралось нѣсколько человѣкъ, всѣхъ родовъ оружія и состоянія. Теперь на Севастополѣ сильно начинаетъ выказываться осадное положеніе,—очень мало домовъ, сохранившихъ свой прежній видъ, всѣ повреждены бомбами, или засадами; въ домѣ, гдѣ жила сестра, стоитъ постой изъ матросовъ съ ближайшей батареи. Вчера былъ приказъ Сакена: «желая сбить непріятельскія батареи, рекомендую господамъ батарейнымъ командирамъ сосредоточить орудія въ назначенныхъ направленіяхъ». Не понимаю, къ чему можетъ служить этотъ приказъ; теперь не только трудно, но невозможно сбивать батареи, такъ какъ земля замерзла, и также необходимо двинуть войско, а по этому снѣгу нѣтъ возможности двигать не только артиллерію, но даже пѣхоту; впрочемъ, вѣроятно, приказъ будетъ отмѣненъ.

Вотъ вамъ всѣ новости, касающіяся Севастополя; пока еще онѣ не дурны, но чего должны мы ожидать весной? Ужасно: поля усѣяны трупами людей и животныхъ. Благодарю васъ, цѣлую ваши ручки

за письма, я уже былъ въ отчаяньи. Какъ-то были похороны мичмана Мессера, братъ горько плакалъ, отецъ же спокойно шелъ за гробомъ и, наконецъ, сказалъ сыну: «не грѣхъ-ли тебѣ плакать, развѣ ты не понимаешь за какое святое дѣло онъ легъ, ежелибы и ты былъ убитъ, я жалѣлъ бы объ одномъ, что не имѣю еще сына, который занялъ бы ваше мѣсто въ рядахъ». Это въ духѣ времени, въ духѣ русскомъ.

Слава Богу, сегодня получилъ я ваше письмо еще отъ 12-го декабря; если и мои письма идутъ такъ долго, то что̀ вы передумаете! Я же пишу вамъ каждую почту. Дороги, говорятъ, такъ нехороши, что одинадцать почтъ остановились въ Перекопѣ, не имѣя возможности двинуться. Здѣсь станціи уже не существуетъ,—нѣтъ возможности поддержать ее при страшныхъ дорогахъ; запасовъ корма для лошадей нѣтъ нигдѣ. Воловая подвода отъ Севастополя до Симферополя стоитъ 20 руб. Не удивительно: отъ послѣднихъ чиселъ октября до этихъ поръ не прекращались дожди, теперь же снѣгъ выпалъ такой, что любой англичанинъ зароется въ немъ съ головой; въ добавокъ, сегодня свѣжій, сѣверный вѣтеръ съ порядочнымъ морозомъ. Ежели люди возстаютъ противъ насъ, то Богъ за насъ: въ первый морозъ, который доходилъ всего до 3-хъ градусовъ, къ намъ перебѣжало нѣсколько человѣкъ, даже съ отмороженными носами, а по сказанію ихъ, у непріятеля до 800 человѣкъ отморозило ноги, такъ что 170-ти надо ихъ отрѣзать. Положеніе непріятеля ужасное, наши пользуются холодами и дѣлаютъ каждую ночь вылазки въ непріятельскія траншеи; это совершенно варѳоломеевскія ночи: замерзшіе непріятели не въ состояніи защищаться, а ихъ въ это время грудами накалываютъ наши матросики. Разсказываютъ, что во время этихъ вылазокъ они стоятъ и плачутъ; тѣхъ же, которые получили болѣе легкія раны, беруть въ плѣнъ, и надобно видѣть, что это за несчастный народъ, и какъ они рады, когда попадаютъ въ наши руки.

Канроберъ писалъ Меншикову, просилъ укротить звѣрство нашихъ солдатъ, а между тѣмъ взглянулъ бы онъ на то, что дѣлается у него. Представьте себѣ, что непріятель завалы своихъ траншей утолщаетъ трупами нашихъ, ежели, какимъ нибудь образомъ, они остаются въ ихъ рукахъ. Я видѣлъ самъ, какъ они положили пять труповъ на наружную сторону своего завала. Между тѣмъ англичане выдумываютъ всевозможные теплые костюмы. Надняхъ прибѣжалъ одинъ англичанинъ въ теплой мѣховой шапкѣ, въ родѣ шапокъ Наполеоновской гвардіи, въ тепломъ бѣльѣ, сверхъ котораго было на немъ надѣто два теплыхъ пальто, замшевые сапоги выше колѣнъ, а сверхъ всего—пальто гуттаперчевое съ капишономъ. Такимъ образомъ у

нихъ одѣто 500 человѣкъ вновь присланныхъ артиллеристовъ. Когда его спросили, почему онъ перешелъ, онъ сказалъ: «вся армія ждетъ полушубковъ, чтобы бѣжать, потому что знаютъ, что въ Россіи холодно».

Удивительная война: воюетъ одна дисциплина; война совсѣмъ не въ духѣ нашего непріятеля.

Я простудился на 4-мъ бастіонѣ. Пироговъ предписалъ мнѣ серьезное леченье; хорошо если мѣсяца черезъ два я буду годенъ на что-нибудь. Уѣзжать изъ Севастополя, пробывши столько времени подъ бомбами, не хочется; согласитесь, тяжело мнѣ будетъ не раздѣлять трудъ, опасность и побѣду дѣйствительнымъ участіемъ, если намъ суждено побѣдить, а если пропадать, то за одно со всѣми пріятнѣе, нежели лечиться далеко отъ Севастополя.

25-е февраля 1855 г.

Погоды стоятъ довольно теплыя, но большіе туманы дѣлаютъ воздухъ нездоровымъ. Бѣда для нашей арміи: начали проявляться болѣзни. Какъ надоѣлъ мнѣ видъ непріятельскихъ пароходовъ, которые стоятъ противъ входа въ рейдъ. Ни батареи, ни лагери непріятельскіе не дѣлаютъ на меня такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ непріятельскіе пароходы; мнѣ кажется, что они одни отнимаютъ у насъ свободу, тяготятъ надъ Севастополемъ. Съ какимъ удовольствіемъ я бросился-бы жечь ихъ, чтобы раскрыть видъ свободнаго моря. Хотя я никогда не былъ настоящимъ морякомъ въ душѣ, мнѣ часто является непреодолимое желаніе побороздить море, покачаться на волнѣ, и это потому что непріятельскіе пароходы загородили выходъ въ море. Вчера разсказывали о новомъ удачномъ дѣлѣ подъ Козловымъ, но ничего вѣрнаго еще неизвѣстно. Меншиковъ оставляетъ насъ, на его мѣсто назначенъ Горчаковъ, а здѣсь ожидали, что Сакенъ займетъ это мѣсто. Орестъ вступилъ въ свою обязанность веселиться; въ эту минуту онъ ѣдетъ на свою батарею, за неимѣніемъ лошади и корма для лошади, на ослѣ; никто не сравнится съ нимъ въ изобрѣтательности. Благодарю за присланный табакъ, здѣсь онъ чрезвычайно дуренъ и дорогъ.

28-е марта 1855 г.

Сегодня второй день Пасхи; французы открыли въ 5 часовъ утра сильную бомбардировку. Ядра, бомбы etc. такъ и свищутъ по улицамъ; одна 8-ми орудійная непріятельская батарея совершенно уничтожена нашими выстрѣлами, а Нахимовъ далъ по батареямъ отдыхъ на два часа.

Подлецы французы: у нихъ въ этомъ году праздники совпадаютъ съ нашими праздничными днями, и они въ такой день открыли бомбардировку; секунды не проходитъ безмолвной. Говорятъ, Львову, племяннику Лазарева, оторвало обѣ ноги; жаль бѣднаго,—славный, храбрый офицеръ. Я написалъ панегирикъ Виктору [1]) и отослалъ въ «Одесскій Вѣстникъ»; если напечатаютъ—прочтете. Тѣ, кому я читалъ этотъ панегирикъ, восхищались имъ. Если буду живъ, то опишу для печати ночь на Селенгинскомъ редутѣ наканунѣ Пасхи; картина торжественно религіозная! Возлѣ бруствера ниша, въ которой помѣщена икона съ лампадой; священникъ служитъ молебствіе, всѣ на колѣняхъ, бомбы непріятельскія, падая на редутъ, не смѣютъ задѣть никого изъ молящихся. Да поможетъ Господь перетерпѣть это время. Правду сказалъ государь: трудное время! Здѣсь всѣ увѣрены, что Наполеонъ пріѣхалъ въ армію, и что для него открыли бомбардировку; но дождь такой сильный идетъ, еще со вчерашняго вечера, что если-бы бомбардировка и была удачна, все же они никакъ не могли-бы двинуть войска, и потому это даромъ пролитая кровь. Что будетъ завтра? Бомбардировкѣ, я думаю, не будетъ конца, развѣ выстрѣляютъ всѣ запасы. Я сижу дома; не могу выходить.

28-го марта 1855 года.
12 часовъ. Продолженіе.

Только что былъ Володя, подтвердилъ на счетъ срытія французской батареи; онъ выпилъ чашку кофе и убѣжалъ, въ ожиданіи какой-нибудь посылки отъ начальства, а также хочетъ провѣдать Дмитріева и Дровецкаго; обоимъ на батареяхъ жутко! До сихъ поръ 100 человѣкъ убыли.

Вчера вечеромъ Дмитріевъ и Дровецкій были у меня, и мы рѣшили семейно пить чай; для этого поставили на столъ самоваръ, пасху и т. д. и цѣлый часъ проболтали за чаемъ. Прійдется-ли нашему семейному кружку еще собраться. Дождь перестаетъ, пальба какъ будто утихаетъ, выстрѣлы рѣже; когда-бъ завтра было покойнѣе.

Володя прійдетъ разсказать результатъ сегодняшней бомбардировки; я вамъ опишу. Уже вечеръ, пальба продолжается. Только что пришелъ Меньчаки, контуженный въ голову; изъ уха кровь идетъ, на рукѣ рана и опухоль. Володя не приходитъ, вѣрно побѣжалъ куда-нибудь по службѣ. Погода все хуже и хуже, вѣтеръ совершенно осенній, даже холодно. Грустное время!

---

[1]) Убитъ на Волынскомъ редутѣ.

27-е мая 1855 г.

Непріятель не былъ въ состояніи держаться на Волынскомъ и Селенгинскомъ редутахъ и принужденъ былъ оставить ихъ, а укрѣпляется въ Еникале, но если не будетъ имѣть удачи въ Севастополѣ, то укрѣпленія Еникальскія сами собой распадутся. Мы выстроили на инкерманскихъ высотахъ 8 редутовъ. Съ гигантскими средствами непріятеля, онъ вотъ уже два мѣсяца предпринимаетъ—только пустыя дѣла, въ которыхъ несетъ большія потери. Въ эти два дѣла траншейныхъ редутовъ у нихъ выбыло изъ строя болѣе 20,000 человѣкъ; эта цифра для нихъ непополнимая, тѣмъ болѣе, что придется отдѣлить отрядъ въ Азіятскую Турцію, куда отзываетъ ихъ Муравьевъ. Въ этихъ дѣлахъ непріятель двигалъ почти всѣми своими резервами, между тѣмъ какъ съ нашей стороны дѣйствовали какихъ-нибудь два полка. Войска наши находятся въ самомъ лучшемъ настроеніи; даже Горчаковъ, говорятъ, повеселѣлъ.

8-го іюня 1855 г.

Начиная отъ 29-го мая, до сихъ поръ болѣе 100 человѣкъ флотскихъ выбыло изъ строя. Бѣдный Шестаковъ пропалъ безъ вѣсти, Юрковскій лишился руки и ноги.

Можете себѣ представить, какъ всѣ ожили, какой тяжелый камень отвалился отъ сердца. Вотъ что насъ подняло на ноги: непріятель сдѣлалъ нападеніе на 1-й, 2-й и 3-й бастіоны, послѣ смертоносной бомбардировки, но былъ отбитъ съ величайшимъ урономъ, оставилъ 600 человѣкъ плѣнными. Подвиги нашихъ превосходятъ вѣроятіе. По моему разсчету, непріятель въ этомъ дѣлѣ долженъ былъ потерять до 25,000, потому что онъ не могъ дѣлать штурма на эти бастіоны менѣе какъ съ 60,000 человѣкъ, а можете себѣ представить, не говорю о ихъ потерѣ во время наступленія подъ картечнымъ огнемъ цѣлаго ада, но во время безпорядочнаго отступленія, преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ штыками и артиллеріей. Не скоро послѣ этого штурма имъ поправиться. Я убѣжденъ еще болѣе прежняго, что непріятелю до побѣды въ Россіи слишкомъ далеко. Я узналъ, что въ нашемъ рвѣ и на бастіонахъ осталось 3,000 непріятельскихъ труповъ; кромѣ того, пространство между нашими и непріятельскими траншеями усыпано трупами, слѣдовательно, мое предположеніе о 25,000 человѣкъ потери со стороны непріятеля оправдывается.

Мы съ бомбардировкой потеряли до 3,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Какова пропорція! Дай Богъ, чтобы Пелисье еще сдѣлалъ

штурмъ; я увѣренъ, что онъ захочетъ еще одной попыткой поправить свое положеніе, чтобы предупредить смѣну. Но теперь скоро должны прибыть въ Севастополь три дивизіи.

Болѣзнь и леченье въ Одессѣ.

10-го августа 1855 г.

Сегодня, въ 10 часовъ вечера, я пріѣхалъ въ Севастополь и остановился на Сѣверной батареѣ; такъ какъ сегодня пятница, то я не хочу сегодня начинать службу и являться, а послалъ Максима разузнать о томъ, что дѣлается съ моими вещами. Пальба не прекращается ни на минуту, хотя нѣтъ бомбардировки. На Дуванкѣ, послѣдней станціи отъ Севастополя, я долго ждалъ лошадей; ни одной станціи не проѣхалъ безъ самыхъ скучныхъ препятствій, изъ Симферополя едва-едва выѣхалъ и то благодаря тому, что подобралъ меня какой-то коммисіонеръ, ѣхавшій въ Бахчисарай. Въ Бахчисараѣ тоже прождалъ нѣсколько часовъ и, чтобы развлечься, отправился верхомъ ко дворцу, уже обращенному въ госпиталь. Наружный видъ дворца все еще неподражаемъ; въ каждомъ уголкѣ видно желанье прохлады и нѣги, всюду журчащая вода, густая тѣнь виноградныхъ кустовъ, тоненькія рѣшетки бесѣдокъ, пропускающія вѣтерокъ, все такъ хорошо, что если только я буду раненъ, то непремѣнно буду просить, чтобы меня отправили въ Бахчисарайскій госпиталь. По дорогѣ я встрѣтилъ дружину; у меня глаза наполнились слезами, глядя на нихъ. Что за чудный народъ! какъ костюмъ, съ крестомъ на шеѣ, отвѣчаетъ ихъ дѣлу! Но невольно приходитъ мысль, что мы, военные, виноваты тому, что тысячи семействъ разрознили, чтобы помочь намъ, что мы не съумѣли защитить ихъ. Я не боюсь умереть, но грустно мнѣ подумать, что моя смерть будетъ безъ пользы для отечества. Какое грустное чувство испытывалъ я, подъѣзжая къ Севастополю послѣ неудачнаго дѣла. Куда меня назначатъ, неужели я все же не получу назначенья, какого-бы желалъ? Только что узналъ, что Хрущеву оторвало ногу. О дѣлѣ 4-го не знаю ничего положительнаго; говорятъ, что все было чрезвычайно неудачно, что убито 3 генерала, нѣсколько полковыхъ командировъ, въ числѣ ихъ славный храбрый Скюдери. Какъ тяжело ложатся на душу эти вѣсти, ждешь чего-то страшнаго, готоваго обрушиться не на одну мою голову, но на множество головъ. Отъ Симферополя до Севастополя замѣтно только еще пока одно желаніе устроить шоссе, но желаніе кажется не сильное; изрѣдка попадаются кучи набросаннаго камня. Въ Бахчисараѣ я встрѣтилъ генералъ-адъютанта Чернышева; онъ,

между прочимъ, сказалъ, что на-дняхъ надо ожидать новаго отъ насъ нападенія на непріятеля. Дорогой я не могъ собрать вѣрныхъ свѣдѣній о 4-мъ бастіонѣ и о Севастополѣ; вообще, каждый говоритъ на свой ладъ.

18-го августа 1855 г.
Продолженіе.

Обиженный Бельбекъ какъ будто съ разсчетомъ заманилъ меня картиной жизни. Мы взобрались на возвышенности, пили чай, и такъ какъ всѣ съ бастіоновъ, то всѣ молчали, всѣ одинаково любовались и какъ будто выжидали какой-то ласки въ отвѣтъ на нашъ восторгъ; но солнце начало заходить, нечего дѣлать—опять на лошадей и въ Севастополь.

Проѣхавъ почти 40 верстъ верхомъ, я, съ непривычки, очень усталъ и какъ убитый уснулъ, даже не почувствовалъ сотрясенія отъ двухъ взрывовъ на непріятельской батареѣ противъ Малахова кургана, нашими выстрѣлами взорванъ былъ пороховой погребъ. У насъ же, благодаря Бога, все благополучно; почти нѣтъ потерь, убываетъ не больше 4-хъ человѣкъ въ сутки. Шульцъ, хотя нѣмецъ, но спасибо ему, очень исправилъ и укрѣпилъ 4-й бастіонъ, сдѣлалъ его самымъ надежнымъ пунктомъ во всей оборонительной линіи. И потому, съ нѣкоторой надеждой на свою силу, выжидаемъ мы бомбардировки, которую непріятель противъ нашего бастіона все откладываетъ, но не умолкаетъ противъ Малахова кургана, который представляетъ собой видъ зимой дымящейся деревни. Богъ милостивъ, прошу васъ не отчаяваться и молиться. Какъ ни хитри непріятель, ни разсчитывай на свои гигантскія силы и средства, одному Богу извѣстны пути, которыми Онъ помогаетъ.

19-го августа 1855 г., пятница.

Я вступилъ въ дежурство, ходилъ по бастіону; раненыхъ только одинъ, а такъ какъ на бастіонѣ у насъ молодежь прекрасная, то день прошелъ незамѣтно. Право не наудивляешься безпечности и хладнокровію въ опасности русскаго человѣка; дни проходятъ въ работахъ подъ выстрѣлами, а смотришь — прибаутка веселая не сходитъ съ языка, а по вечерамъ, подъ гармонику или скрипку пляска, да какая еще лихая! Только на-дняхъ убило скрипача, и матросы, съ досады, разбили скрипку.

На бастіонѣ, на высокомъ шестѣ, вмѣсто флюгарки, сдѣлали куклу француза, и разумѣется каждый, проходя мимо, считаетъ долгомъ обратиться къ этой куклѣ съ какой-нибудь остротой: «а что ваши

кофе уже пили, или послать имъ огонька въ траншею?» Надо быть хорошимъ писателемъ, чтобы описать русскаго солдата.

Возлѣ одного матроса упали три бомбы, онъ легъ и командуетъ бомбамъ: по очереди: пли! За второй его ранило въ ногу, но онъ спокойно прокомандовалъ третьей, потомъ сѣлъ на носилки и уѣхалъ на перевязочный пунктъ. Покойной ночи!

20-го августа, суббота, 1855 г.

Сегодня я свободенъ. Ко мнѣ зашелъ лейтенантъ Ильинъ и предложилъ прогулку въ Бахчисарай; отказался ѣхать такъ далеко, изъ боязни не воротиться во-время, а чтобы на чемъ-нибудь помириться, опять отправились на Дуванку, тамъ обѣдали, отдыхали и, возвращаясь, встрѣтили дѣвицъ Антипа, скачущихъ амазонками и сопровождаемыхъ молодежью. Надо сознаться, нами овладѣла зависть. Вызванные природой на мечтательность, мы въ этихъ дѣвицахъ видѣли героинь, достойныхъ романа, прекрасныхъ амазонокъ.

Вечеромъ непріятелю вздумалось бросать бомбы на нашъ бастіонъ и 8 разъ въ нашемъ блиндажѣ гасилъ свѣчу сотрясеніемъ воздуха. Мы отвѣчаемъ тоже бомбами, и дѣло, можетъ быть, затянулось-бы на долго, если-бы взрывъ съ нашей стороны не развлекъ вниманія. На третьемъ бастіонѣ и днемъ пальба была усиленная. Посылалъ на почту, но писемъ отъ васъ нѣтъ; жду—не дождусь. Что дѣлаете вы?—Какія безпокойства нанесъ вамъ гренадерскій корпусъ, проходя черезъ Дарьевку? Я все знакомлюсь съ усовершенствованіями 4-го бастіона и непріятеля, расположеннаго противъ него.

21-го августа 1855 г., воскресенье.

Мое дежурство непріятель началъ съ утра взрывами, но чрезвычайно для насъ благопріятными; вечеромъ было еще три взрыва, но тоже ни одинъ человѣкъ не былъ раненъ, ни убитъ. Ночью непріятель сильно бросалъ бомбы, но мы рады подобнымъ бомбардировкамъ, которыя только расходуютъ ихъ снаряды безъ вреда для насъ. За весь день моего послѣдняго дежурства, только шесть человѣкъ убыло ранеными, а навѣрное они бросили на насъ до 600 бомбъ; люди называютъ это чертовой почтой. Залпъ былъ за залпомъ. Поговариваютъ опять о штурмѣ: по всѣмъ работамъ непріятеля видно, что онъ готовится къ чему-то, но и мы готовимся, слѣдовательно, à qui mieux, mieux. Говорятъ гренадерскій корпусъ уже близко. Хотѣлось-бы дожить до результата этой войны. Сегодня кончились груши; что за прелесть! Бутаковъ, съ которымъ я нахожусь въ одномъ блиндажѣ, не можетъ достаточно оцѣнить варенье, морсъ и груши.

22-го августа 1855 г., понедѣльникъ.

Я сегодня не пошелъ въ городъ; далеко слишкомъ, въ самомъ городѣ нѣтъ ничего, а ходить на Сѣверную сторону не стоитъ, усталость путешествія не вознаграждается развлеченіями Сѣверной стороны—только поѣсть винограду. Къ намъ, на бастіонъ, маркитантъ приноситъ вино, пряники и фрукты. Вино—одинъ изъ главныхъ двигателей веселости въ нашей военной жизни. У насъ на бастіонѣ есть, пріѣхавшій изъ Петербурга, штабсъ-капитанъ Фадѣевъ; онъ предсѣдатель виннаго общества и сильно жалуется на то, что не находитъ достойнаго помощника.

Завтра его имянины, и онъ дѣлаетъ пышный пирогъ съ шампанскимъ, etc. Я этому очень недоволенъ, потому что прійдется пить, я шампанскаго не люблю, а въ добавокъ завтра мое дежурство.

23-го августа 1855 г., вторникъ.

Я проснулся съ полной увѣренностію, что будетъ бомбардировка, но вотъ 11 часовъ—все тихо и спокойно, исключая трехъ взрывовъ отъ непріятеля. Сейчасъ будетъ взрывъ отъ насъ; надо приготовить залпъ по траншеямъ непріятельскимъ. Дастъ Богъ, до свиданія.

Взрывъ и пирогъ прошли благополучно, мы дали залпъ картечью, они, разумѣется, отвѣчали намъ бомбами.

23-го августа 1855 г., вторникъ.
Продолженіе.

Гдѣ конецъ этой войны, чѣмъ развяжется этотъ узелъ? За одну только жизнь на бастіонѣ, говоритъ Караваевъ, насъ-бы слѣдовало вставить въ золотыя рамки. Но на чью долю достанется пережить эту войну? Мы въ отношеніи къ Севастополю, какъ индѣйскія жены.— Сегодня ночью непріятель дѣлалъ нападеніе на наши волчьи ямы, противъ 2-го бастіона, но его отбили и сильно побили. Я посылалъ унтеръ-офицера для развѣдыванія; онъ только что возвратился, говоря: что все мѣсто усѣяно французскими трупами. Я боюсь теперь, чтобы желанье возвратиться въ Севастополь (эту ступку, какъ его называетъ Зоринъ) не охватило Ергомышева, ежели онъ станетъ немного поправляться. Шульцъ звалъ меня обѣдать, я отказался службой; всю ночь приходится не спать, а ходить по бастіону, обѣдая же у него, не успѣешь выспаться.

2-го сентября 1855 г., Бельбекъ.

Какое несчастіе: почта перенесена въ Бахчисарай; теперь нѣтъ возможности отправить письма, ни получать ихъ. Я просилъ Комаровскаго, чтобы онъ вошелъ въ мою бѣду и какъ-нибудь помогъ мнѣ писать вамъ. Я поручилъ Полю Рашевскому сообщить вамъ о моей ранѣ; воображаю, какъ тяжело было ему выполнить это порученіе. Мнѣ легче становится, когда я говорю съ вами, хотя письменно, я тогда забываю страшную дѣйствительность. Пользуюсь отъѣздомъ счастливца Я..... и прошу его взять мое письмо, заѣхать къ вамъ и разсказать вамъ, какимъ молодцомъ я переношу перевязки,—никто не слыхалъ ни одного крика моего. Это можетъ васъ утѣшить, какъ доказательство, что я не страдаю. Бутакову вчера было хуже, едва-ли онъ бѣдный переживетъ свою рану! — Рядомъ со мной лежитъ Лазаревъ; онъ раненъ штуцерной пулей, которая скользнула по животу, задѣвши правый бокъ,—рана не такъ опасна, но мучительна. Остальные, которые лежатъ со мной, всѣ сегодня ѣдутъ въ Николаевъ, 17 человѣкъ офицеровъ. Богъ знаетъ, что будетъ со мной, сколько времени я буду лежать, въ случаѣ выздоровленія. Я вамъ, кажется, писалъ, что я лежу въ домѣ Бибикова, въ садикѣ Бельбека, но природой не любуюсь, не вижу ее. Что дѣлается съ даліями нашего сада, поправились-ли онѣ, цвѣтутъ-ли еще клумбагумъ? Если-бы были аэростаты или паровозы, я бы съ моей раной переѣхалъ къ вамъ, лечиться у васъ; теперь же нѣтъ возможности двинуться съ мѣста ранѣе 15-го сентября, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и то на воловой подводѣ.

3-го сентября 1855 г.

Тысячу разъ благодарю васъ за то, что вы прислали мнѣ Анисія варенье, корпію, бѣлье; это все, въ чемъ я чувствовалъ маленькую необходимость. За нами, благодаря правительству, хорошо смотрятъ; сестры милосердія обязаны выполнять всѣ требованія больныхъ, и дѣлаютъ это съ большимъ стараніемъ.

Ко мнѣ приходилъ Мансуровъ, предлагалъ мнѣ денегъ, но я отказался; если же рана моя пойдетъ къ выздоровленію, то я попрошу у него денегъ на проѣздъ и леченье.

Бутаковъ бѣдный ужасно страдаетъ; онъ помѣщенъ въ одной комнатѣ со мной. Онъ не перестаетъ стонать.

Сегодня десять дней, что я лежу; докторъ говоритъ, что черезъ пять дней мнѣ можно будетъ сидѣть.

Мой фельдшеръ стоитъ въ ожиданіи письма.

4-го сентября 1855 г.

Я сегодня довольно хорошо провелъ ночь. Какъ кстати вашъ морсъ и варенье; вода очень не хороша, и потому когда я ее пью съ морсомъ, то всякій разъ переношусь домой съ чувствомъ большой благодарности, и вспоминаю, что мнѣ такъ не хотѣлось брать его съ собой. Чтобы вамъ еще сказать? О дѣлахъ военныхъ не хочется,—грустная матерія, пусть разсказываютъ другіе.

Большая часть нашихъ моряковъ идетъ въ Николаевъ, въ томъ числѣ и Володя; какъ я ни радъ его отъѣзду, но грустно будетъ остаться совершенно одному. Володя добрѣйшее существо, онъ былъ внимателенъ ко мнѣ, какъ самый лучшій братъ; его отъѣздъ для меня огромная потеря.

Благодаря моему портфелю, могу еще вамъ писать.

Мой поклонъ всѣмъ нашимъ крестьянамъ въ деревнѣ.

6-го сентября 1855 г.

Не знаю, какъ благодарить васъ за вниманіе: вы предъугадали все, въ чемъ я могъ имѣть нужду. Пріѣздъ Анисія для меня одна изъ самыхъ большихъ необходимостей, потому что съ уходомъ нашего экипажа, я остался безъ человѣка; варенье и морсъ вышли наканунѣ пріѣзда Анисія. Хотя за нами присмотръ прекрасный, сестры милосердія исполняютъ все возложенное на нихъ съ большимъ стараніемъ, но все же бѣлье жесткое, почему я очень благодаренъ за простыни и наволочки. Вообще, вы предупредили и угадали всѣ мои нужды; но, ради Бога, не безпокойтесь обо мнѣ, рана моя идетъ очень хорошо.

Къ счастію моему, со мною вмѣстѣ лежитъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ докторовъ Миштольдъ, который принимаетъ во мнѣ большое участіе и помогаетъ мнѣ совѣтами. Ежели Богъ будетъ милостивъ ко мнѣ и рукѣ моей не будетъ хуже, то въ субботу или воскресеніе я отправлюсь въ Симферополь. Я жду не дождусь той минуты, когда мнѣ можно будетъ выѣхать въ Симферополь; все же я буду ближе отъ васъ, а тамъ, если Богъ поможетъ мнѣ выздоровѣть, то черезъ мѣсяцъ я буду дома, и такъ въ концѣ октября я увижу васъ. Анисій лучше всякой сестры милосердія смотритъ за мной и ловко принимаетъ участіе въ перевязкахъ, которыя докторъ дѣлаетъ мнѣ каждый день два раза.

Теперь мнѣ начали прижигать рану ляписомъ. Утромъ я выходилъ на балконъ. Какъ пріятно взглянуть на природу. Я нахожу прелесть въ каждомъ листкѣ. Теперь только я вижу, какъ я люблю жизнь и какъ дорога она для человѣка.

6-го сентября 1855 г.
Продолженіе.

Боже мой, Боже мой, когда я васъ увижу и скоро-ли? Меня хотѣлъ взять къ себѣ для леченія Веръ (генералъ-штабъ-докторъ); у него было-бы мнѣ превосходно, но въ ту ночь, что я долженъ былъ перебраться къ нему, бомба вырвала у него въ домѣ окна и рамы. Ради Бога, не предпринимайте путешествія въ Симферополь,—дорога ужасная. Вы не найдете въ Симферополѣ мѣста, гдѣ преклонить голову.

7-го сентября. (Сестрамъ въ Симферополь).

Зачѣмъ вы пустились въ такую дорогу? Я былъ-бы счастливъ васъ видѣть, но доктора запретили пріѣзжать вамъ на Бельбекъ; они говорятъ, что малѣйшее волненіе можетъ повредить мнѣ, а радость видѣть васъ—не изъ малыхъ волненій. Если ранѣ моей не будетъ дурно, я пріѣду въ Симферополь и не иначе, какъ на воловой подводѣ, во избѣжаніе толчковъ отъ скорой ѣзды. Сегодня уже 15 дней послѣ операціи, доктора говорятъ, что рана идетъ хорошо, я исполняю всѣ предписанія докторовъ съ самымъ большимъ терпѣніемъ. Что будетъ дальше, то отъ Бога; надобно надѣяться на Его милосердіе и молиться. Чтобы я далъ, чтобы быть скорѣе въ Симферополѣ!

Сегодня пошло обо мнѣ представленіе къ золотой саблѣ. Ничего я такъ не желалъ, какъ золотую саблю: это вполнѣ военная награда и остается въ семействѣ памятникомъ прошлаго.

Мнѣ рѣшительно ничего не надобно, ни денегъ, ни бѣлья, у меня все это есть, а чего нѣтъ, тѣмъ снабжаютъ сестры милосердія. Итакъ не пріѣзжайте на Бельбекъ. Въ одной комнатѣ со мной лежатъ Бутаковъ и Лазаревъ; они сильно ранены и ужасно страдаютъ. Завтра будетъ насъ смотрѣть Пироговъ. Посмотримъ, что онъ скажетъ?

Сегодня я одной рукой сдѣлалъ папиросу.

14-го сентября 1855 г., Симферополь.
(Къ матери).

Мнѣ все хочется писать вамъ, говорить съ вами въ послѣднія минуты моей жизни, утѣшать васъ. Я умираю совершенно покоенъ. Я пріобщался, исповѣдывался и Господь смилостивился надъ мной: съ того времени душѣ моей стало такъ легко, какъ будто я узрѣлъ вторую жизнь.

Ради Бога, не предавайтесь печали, хвалите Бога въ испытаніяхъ, которыя Онъ вамъ посылаетъ. Обратитесь къ Богу съ теплой молитвой, вѣруйте въ Его безпредѣльное милосердіе. Онъ убиваетъ, Онъ же живитъ. Господь смиряетъ и выситъ! И вы не вѣчны, на

томъ свѣтѣ мы увидимся, а покуда христіанскимъ терпѣніемъ поддержите свою жизнь для блага семейства вашего. Вы должны жить для вашихъ дочерей, которыя достойнѣе насъ вашей любви. Я никогда не могъ достаточно любоваться ими.

Да поддержитъ васъ Богъ, я же стою одной ногой въ могилѣ, земля не должна уже занимать меня. Впрочемъ, все еще надѣюсь. Господи, спаси меня!

15-го сентября 1855 г.

Вчера послѣ причастія мнѣ все утро было такъ легко, такъ покойно; вечеромъ я надѣялся на выздоровленіе, потому что докторъ вынулъ изъ раны кусочекъ лигатуры, которая была причиной раздраженія въ ранѣ и лихорадки, но ночью опять былъ сильный пароксизмъ. Мнѣ невыносимо тяжело, жду съ смиреніемъ послѣдней минуты.

Молитесь за меня, ваша молитва спасетъ меня.

Не тревожьте себя горемъ, я счастливъ мыслью, что умираю за многолюбимое мною отечество. Вы вправѣ сказать, что сыновья ваши умерли, какъ слѣдуетъ умирать въ эту тяжелую пору русскому, и что любовь ихъ къ отечеству была имъ внушена вами.

Да поддержитъ васъ и поможетъ вамъ Господь!

Едва-ли въ мірѣ можно встрѣтить лучшую мать, какъ вы. Еще разъ цѣлую ваши ручки и прошу молиться за вашего сына.

Примѣчаніе. Лейтенантъ Августъ Карловичъ Комстадіусъ скончался отъ ранъ, полученныхъ при оборонѣ Севастополя, 17-го сентября 1855 г., на разсвѣтѣ.

Сообщ. графъ **Лидерсъ-Веймарнъ**.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА